

Фомина Ксения Сергеевна

ОДНА ИЗ КЛЮЧЕВЫХ БИБЛЕЙСКИХ МЕТАФОР В ТВОРЧЕСТВЕ С. КЕКОВОЙ

В статье рассматриваются свойства метафоры как языковой единицы, особенности ее деления на языковую и художественную; доказывается активная роль метафоры в отражении мироощущения поэта, особенно метафоры широкого контекста. Анализируется одна из ключевых для творчества С. Кековой метафор широкого контекста: "наша жизнь – молитва сквозь слезы". Показан широкий круг контекстов, актуализирующих данную метафорическую модель.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/4-1/60.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. I. С. 209-212. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. **English for Academic and Technical Purposes: Studies in Honor of Louis Trimble** / ed. by L. Selinker, E. Tarone, V. Hanzeli. Rowley, MA: Newbury House, 1981.
2. **Huckin T. N., Linda H. P.** «Existential There». *Written Communication*, 1988. P. 368-391.
3. **Hutchinson T., Waters A.** *English for Specific Purposes: a Learner-Centred Approach*. Cambridge: CUP, 1987. 183 p.
4. **Lackstrom J. E., Selinker L.** *Technical Rhetorical Principles and Grammatical Choice* // *TESOL Quarterly* 7. 1973. P. 127-136.
5. **Munby J.** *Communicative Syllabus Design*. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. 561 p.
6. **Richards J.** *Person to Person*. Oxford University Press, USA.
7. **Swales J. M.** *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
8. **Swales J. M.** *Writing Scientific English*. London: Nelson, 1971.
9. **Swales J., Hazem N.** *The Writing of Research Article Introductions*. *Written Communication*, 1987. P. 175-191.
10. **Tarone E., Dwyer S., Gillette S., Icke V.** *On the Use of the Passive in Two Astrophysics Journal Papers* // *ESP Journal*. 1981. P. 123-140.
11. **Trimble L.** *English for Science and Technology: a Discourse Approach*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 180 p.
12. **Ulijn J. M., Gorter T. R.** *Language, Culture and Technical-Commercial Negotiation* // *Working With Language* / ed. by H. Coleman. The Hague: Mouton de Gruyter, 1989. P. 479-504.

ENGLISH FOR SPECIFIC PURPOSES. HISTORICAL ASPECT

Ukhanova Ekaterina Vladimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
North-Caucasus Federal University
Lyubitskaya@mail.ru

The article considers the appearance of the notion "English for Specific Purposes" in the English-speaking countries simultaneously as a scientific direction and as a type of the English language training that meets the requirements of students. This direction of the English language teaching is one of the fastest developing at the moment. The article focuses on the fact that in the process of learning and teaching English for specific purposes, student's needs, the analysis of typical professional communicative situations, the rules of successful communication come to the fore. A student develops the ability to select and implement the program of verbal behavior depending on the communicative situation, the knowledge of the structural elements of the language and the ability to use them in a variety of communicative situations, the mastery of the speech – organizing formulae set necessary for communication.

Key words and phrases: English for special purposes; scientific vocabulary; rhetorical changes; professional communication; communicative goal.

УДК 81.116.3

Филологические науки

В статье рассматриваются свойства метафоры как языковой единицы, особенности ее деления на языковую и художественную; доказываемая активная роль метафоры в отражении мироощущения поэта, особенно метафоры широкого контекста. Анализируется одна из ключевых для творчества С. Кековой метафор широкого контекста: «наша жизнь – молитва сквозь слезы». Показан широкий круг контекстов, актуализирующих данную метафорическую модель.

Ключевые слова и фразы: метафора; языковая метафора; художественная метафора; метафора широкого контекста; идиостиль; современный поэтический текст; С. Кекова.

Фомина Ксения Сергеевна

Институт филологии и журналистики Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского
Kseniaksm@rambler.ru

ОДНА ИЗ КЛЮЧЕВЫХ БИБЛЕЙСКИХ МЕТАФОР В ТВОРЧЕСТВЕ С. КЕКОВОЙ[©]

Индивидуальные черты творчества наиболее ярко раскрываются в метафорических конструкциях, создаваемых С. Кековой. При этом общий характер мироощущения строится в координатах православия, ее художественный текст насыщен библейскими образами и сюжетами. Выделение и анализ ключевых библейских метафор позволяет выделить особенности идиостиля С. Кековой в его тематическом и смысловом наполнении. В рамках статьи выбрана одна из ключевых метафор творчества С. Кековой – «наша жизнь – лишь молитва сквозь слезы» [3].

Классификация метафор в современной лингвистике многообразна. Важным для анализа художественного текста является принцип выделения языковой и художественной (индивидуально-авторской) метафор. Их обособленность вытекает не только от сферы функционирования – метафора как средство языка и как поэтическая фигура, – но и от многих различных черт. Если языковую метафору мы воспринимаем

и воспроизводим в речи, часто даже «не отдавая себе отчет в том, что привычные слова имеют фигуральный смысл» [7, с. 31], то художественная вызывает у читателя эмоциональное переживание, привлекая внимание обновленной или новой семантикой, несочетаемостью компонентов и другими особенностями. Противопоставление данных типов метафор происходит по нескольким параметрам: во-первых, в языковой метафоре ассоциативные связи объективны и отражают языковой опыт говорящего, а художественная носит индивидуальное видение мира, так как они «субъективны и случайны относительно общего знания» [8, с. 192-194]. Во-вторых, как самостоятельную лексическую единицу, свободно вступающую в семантические связи, можно рассматривать только языковую метафору, художественная метафора всегда связана с контекстом. И, в-третьих, с точки зрения семантики, лексическое значение языковой метафоры при всей сложности поддается структурированию и подведению под общие схемы, а художественная – индивидуальна.

Художественная метафора напрямую связана с образным типом метафор, обладающих особой, образно-эстетической функцией, т.е., по словам В. Н. Телия, «нацеленностью на такое художественное воздействие на реципиента, которое вызывает в нем ценностное отношение к миру» [9, с. 188]. Подобие, необходимое для языковой метафоры, в художественной образной метафоре может не проследиваться сознанием читателя; соединенные лексемы могут не иметь общих ассоциативных связей, но для создателя семантика индивидуально-авторской метафоры мотивирована его мироощущением, связана с его личностным тезаурусом. Наиболее сложно разгадываемыми метафоры становятся в поэтическом тексте, где малый по объему контекст насыщен многими «комбинаторными приращениями смысла» [5, с. 34]. При этом даже привычное соединение лексем в метафоре может быть заново мотивировано окружающими смыслами, «именно благодаря неожиданности этой мотивировки, метафора приобретает силу и индивидуальную выразительность» [11, с. 37].

Индивидуально-авторская метафора в художественном тексте может носить единичный характер использования для передачи конкретного образа или ситуации, но может носить программный характер, выходя на уровень метатекста. Такие метафоры обладают потенциальным стремлением к развертыванию в метафорические поля, подчиняющие себе порождение текста, отсюда появляется возможность назвать метафору «свернутым текстом» [10, с. 64] и оперировать понятием «метафора широкого контекста» [1, с. 34]. Смыслы, заложенные в таких конструкциях, являются доминирующими для мироощущения автора, а их способ функционирования в художественном тексте, устойчивое появление использованных метафоризированных лексем и их синонимов, а также ассоциатов являются чертой идиостиля поэта.

В лингвистике признано, что метафора успешно «играет роль призм, через которую человек совершает акт мировиденья» [2, с. 71]. Для творчества С. Кековой одну из ключевых ролей, определяющей личностную систему отражения мира, играет художественная метафора «*наша жизнь – лишь молитва сквозь слезы*» [3, с. 125]. Метафора в классическом понимании должна строиться на принципах сходства. Приведенный пример интересен тем, что прямое, лежащее на поверхности подобие отсутствует; для нахождения метафоризирующих факторов необходимо обратиться к православной вере поэта, которая обуславливает его миропонимание. При атеистическом ракурсе общей семой для лексем *жизнь* и *молитва* является «протяженность процесса во времени», но такой смысловой компонент не является категориальным для этих понятий, поэтому он не может играть решающую роль в метафорическом процессе. Религиозный анализ дает больше оснований для такого уподобления: верующий человек не смыслит своей жизни без непрестанной молитвы – в ней он проговаривает волнующие его события, упоминает близких ему людей. Слезы как непрменный атрибут молитвенного процесса связывают с религиозным понятием «слезный дар», когда катарсис происходит за счет душевных слезных переживаний. Если понимать жизнь по одной из формулировок как то, что живое, от рождения до смерти, то молитва – это то, что отличает живого человека от мертвого, неверующего, и то, что должно существовать в человеке от рождения до самой смерти.

В авторском сборнике «Плач о древе жизни» было обнаружено более 70 контекстов, образно и сюжетно поддерживающих ключевую метафору. Широким метафорическим контекстом здесь можно назвать весь художественный текст в целом, созданный С. Кековой. На всем его протяжении метафора актуализируется синонимами (*молитва – псалмы, обет, тризна; слезы – плач, страдание*), ассоциатами, главным из которых становится лексема «покаяние», включающая в свое смысловое наполнение понятие молитвы с эмоциональным, «слезным» компонентом, сожалением о совершенных деяниях. Компоненты метафорической конструкции частотно повторяются как в нетрансформированном виде, так и образуя другие формы из общего словообразовательного гнезда: *отмолить, молись; слезный дар, слезящиеся глаза, прослезиться*.

Библейская основа, заложенная в метафорической конструкции «*наша жизнь – лишь молитва сквозь слезы*», проследивается во всем творчестве поэта: путь от кенозиса (самоумаления) к теозису (богоощущению). Основным состоянием лирической героини на этом пути является покаяние, сопровождаемое слезами. В религии покаяние сопровождается исповедью – для поэта ею становится стихотворчество: в нем изливаются событийный, эмоциональный, духовный и телесный планы жизни. Поэзия как способ разговора с Богом – давняя литературная традиция; различны лишь темы, способы и образы.

Метафора «*жизнь – молитва сквозь слезы*» разворачивается в поэтическом тексте процессуально, отражая основные состояния главной героини и ее конечную цель: *играть шарами слов, алкать блаженства, мучиться и плакать... так жить, чтобы глаголом стало имя и сердце омыла благодать* [Там же, с. 78-79]. Глубина и полнота покаяния зависят от степени устремления человека к Богу. С. Кекова не только хочет получить от Бога прощение греховных поступков, но ищет живого реального общения с Ним как источником всего благого, используя прямое обращение: *Господи, прими слово мое как покаяние души моей. Господи, прими слово мое как обет вечно служить Тебе. Господи, прими слово мое – и пусть растает оно в лучах Твоей*

славы [Там же, с. 174]. Покаяние новообращенных отличается от духовно опытных тем, что у первых главным движущим мотивом является страх наказания, а у совершенных – любовь к Богу. Совершенному мучительно и тяжело, когда своим неверным поступком он оскорбил святость Божию. Это же встречаем у лирической героини С. Кековой: ее покаяние идет от любви к Богу, это примирение души с Богом, возврат ее к истинным ценностям: *и каждый, кто душу свою повредит, пусть бремя греха превозможет, и горькую воду Господь усладит, и грешникам бедным поможет* [Там же, с. 43]; *но опять душа моя окрепла, как весною заросли ольхи, потому что восстанет из пепла человек, судимый за грехи* [Там же, с. 195]. Покаяние может быть разовым, когда человек возвращается к грехам своим, и тогда оно воспринимается скорее как скоротечное решение, но в мироощущении С. Кековой оно выводится как константная, доминантная категория, ключевая метафора «жизнь – молитва сквозь слезы» характеризует процесс, длительный по времени: *молись дыханьем, молчаньем, словом, молись, во сне проливая слезы, смотри, как в мире, простом и новом, ныряет ангел в листве березы... живи спокойно на этом свете, открытым сердцем прижав к Распятью* [Там же, с. 232].

Любая смыслообразующая сфера творчества дается через призму покаяния: поэзия, любовь, вера. Стихотворный текст строится как молитва – на интонационном, ритмическом звучании силлабической системы; на уровне лексических и фразеологических компонентов изучаемые библеизмы создают религиозный ореол текста. Библейские антропонимы и топонимы на фоне современных реалий порождают новые художественные пространства. Плотская любовь лирической героини замещается любовью к Богу, плотская страсть между мужчиной и женщиной не оправдывает их, она греховна и приводит к покаянию.

Вера в Бога как стержень мироздания скрепляет все слои жизни. У поэта бывают минуты отчаяния, сомнения в своем даре: *где верный путь, ведущий к Богу?; кем мне дар завещан слезный?* [Там же, с. 29]. Но вопрос ее все равно обращен к Богу – Его существование неоспоримо. Страдания становятся путем очищения, прохода лирической героини по пустыне жизни, как подвиг скитания пророков по библейским пустыням. В Библии покаяние строится в определенной последовательности, четко сформулированной иерархом Русской православной церкви, митрополитом Иларионом: покаяние начинается «с раскаяния и обращения (–пришед в себя»), которые перерастают в решимость (–встану, пойду») и заканчивается возвращением к Отцу (–встал и пошел»), исповеданием грехов (–я согрешил»), прощением от Бога (–принесите лучшую одежду»), усыновлением (–этот сын мой») и духовным воскресением (–был мертв и ожил, пропадал и нашелся»)» [6]. Это сюжетное построение обряда полностью отражается в творчестве С. Кековой. Как быстро страх и сомнения, чувство обреченности сменяются верой в милосердие: *вернулся в грешный мир Господь – а это значит, что мне не отмолить уже своей вины*, и в этом же тексте: *как ярко вспыхнул свет! Как милостлив Господь* [3, с. 69]! Прощение возможно за счет облегчения души, исповеди, самообличения, и этому автор учится у природы, у «вселенского храма»: *там деревья омыты дождем, как душа покаянием. Каждый лист – изумруд, и прекрасно кругом, и светло, мир наполнен до края нездешним сиянием* [Там же, с. 225]; *и целый день над речкой дерево стоит и молча слезы льет* [Там же, с. 167]; *в храме тела, богом и тленном, на изгубе соленой волны, вторя травам и птицам небесным, покаянные пели псалмы* [Там же, с. 172]; *а деревья качаются, скрипят и шепчут мне: блаженны те, кто плачут* [Там же, с. 70]. Свой слезный дар природа раскрывает не всем: вступает в силу антиномина плотского-духовного, лишь внутренним взором можно заметить тайны мироздания: *все вокруг трепещет, слезы ослепительные льет, под луною странным блеском блещет и хвалу Всевышнему поет... а душою брошенное тело – бедное усталое дитя – видит: солнце золотое село. Дождь идет, листвою шелестя* [Там же, с. 65]. Сокрытый смысл событий виден душе, ее возможности шире, чем возможности тела, наблюдающего тот же круг событий, но не понимающего сакральности происходящего. Ослепительный свет, сверканье, блеск возникают как атрибуты Бога, после прощения принимающего грешника в лоно свое. Способ покаяния через слезы сопровождается огнем, тоже несущим очистительную функцию: *и петь про то, что будет жизнь легка, когда Господь протянет руку мне, когда мой грех сгорит в моем огне* [Там же]; *то, что кажется мукой и бременем, выжигай покаянным огнем* [Там же, с. 123]; *слезной пищею будешь молча питаться и ночью, и днем, будешь душу свою, обнаженную, нищую, очищать по ночам покаянным огнем* [Там же, с. 266].

Ощущать греховность этого мира С. Кековой тяжелее вдвойне: как человеку верующему и как поэту: *поэт с закушенным ртом* [Там же, с. 119]. Но жалобы, упрека в ее поэзии-молитве Бог не услышит: *и жизнь моя не жертва, а хвала огромному пространству между нами. Да, я грешна, но Ты прости меня. Я только форма Твоего огня* [Там же, с. 82]. Греховность С. Кековой в сомненьях: какой природой обладает ее талант, позволяющий складывать слова в стихотворные строчки – божественной или каиновской [4]: *получила опасный пророческий дар* [3, с. 63]. Но сила веры столь велика, что преодолевает этот опасный момент, создавая собственный уклад жизни: *нам звездный сказал алфавит: из забвенья, тумана и пыли наша бедная жизнь состоит. Из печали, греха, покаянья, из любви, покаянья, греха, из объятия тьмы и сиянья в еле бьющемся сердце стиха* [Там же, с. 196-197]. Ритм строки, напоминающий размеренный стук сердца, и номинации главной доминантной категории творчества – покаяния – и ее составляющих: греха, печали, любви – создают эффект легкой, элегической грусти. Но эта печаль не вызывает жалость – она светлая, легкая, как игра светотени; стихотворение рождается, а не умирает: *и будут слезы неслышно капать, а сердце – страдать и петь* [Там же, с. 116]. Слезы переходят в песню, в хвалу Бога посредством поэтического слога.

Итак, метафора широкого контекста может диктовать смысловое, тематическое наполнение художественного текста, постоянно актуализируясь синонимичными лексемами, ассоциативными конструкциями, использованием компонентов метафоры как в нетрансформированном виде, так и в других формах из общего словообразовательного гнезда. Художественная метафора «наша жизнь – лишь молитва сквозь слезы» заполняет художественное пространство поэтического метатекста, диктуя доминантные смыслы творчества С. Кековой.

Список литературы

1. **Авеличев А. К.** Метафора и контекст // Вестник Московского государственного университета. Сер. 10. Филология. 1974. № 3. С. 30-40.
2. **Калашникова Л. В.** Метафора – мощный лингвистический инструмент, преобразующий действительность в мир воображаемый // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 3. С. 69-72.
3. **Кекова С. В.** Плач о древе жизни: Стихи разных лет. Саратов: Саратовский государственный социально-экономический университет, 2006. 284 с.
4. **Кекова С., Измайлов Р.** Православное обоснование художественного творчества [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2008. № 11. URL: <http://magazines.russ.ru/sib/2008/11/ke11.html> (дата обращения: 15.01.2014).
5. **Ларин Б. А.** Эстетика слова и язык писателя: избранные статьи / вступ. ст. А. Федоров. Л.: Художественная литература, Ленингр. отделение, 1974. 285 с.
6. **Митрополит Иларион (Алфеев Г. В.).** Таинство веры. Введение в православное догматическое богословие [Электронный ресурс]. Издание седьмое. М.: Эксмо, 2010. URL: <http://www.wco.ru/biblio/books/alfeev2/Main.htm> (дата обращения: 15.01.2014).
7. **Скляревская Г. Н.** Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. 152 с.
8. **Теля В. Н.** Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (виды наименований). М.: Наука, 1977. С. 129-221.
9. **Теля В. Н.** Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 173-204.
10. **Шатуновский И. Б.** Способы повышения информативности в художественном тексте (метафора и информация) // Вопросы русского и общего языкознания: сб. науч. тр. № 519. Ташкент, 1976. С. 62-70.
11. **Шмелев Д. Н.** Слово и образ. М.: Наука, 1964. 120 с.

ONE OF THE KEY BIBLICAL METAPHORS IN S. KEKOVA'S CREATIVE WORK

Fomina Kseniya Sergeevna

Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky

Kseniaksm@rambler.ru

The article deals with the peculiarities of metaphor as a linguistic unit, specifics of its division into linguistic and artistic; the author shows the active role of metaphor in the reflection of poet's world-view, particularly the metaphor of wide context. The paper analyzes one of the key for S. Kekova's creative work metaphors of wide context: "our life is a prayer through tears". The researcher represents a wide circle of contexts analyzing this metaphorical model.

Key words and phrases: metaphor; linguistic metaphor; artistic metaphor; metaphor of wide context; author's original style; modern poetical text; S. Kekova.

УДК 811.161.1'42:821.161-342

Филологические науки

В статье представлены результаты анализа роли прецедентных текстов и специфики их функционирования в книгах Евгения Санина «Маленькие притчи для детей и взрослых». Определены виды прецедентных текстов, наиболее часто используемые Е. Саниным, а также описаны основные авторские стратегии ввода данных текстов в притчи. Особое внимание уделено индивидуально-авторским приращениям смысла прецедентных текстов. Сделан вывод о том, что прецедентные тексты в маленьких притчах выполняют текстообразующую функцию, а также являются одним из основных средств, используемых писателем для воздействия на читателя, для популяризации гуманистических идеалов и христианских ценностей.

Ключевые слова и фразы: прецедентный текст; притча; Евгений Санин; «Маленькие притчи для детей и взрослых»; авторская картина мира.

Фрик Татьяна Борисовна, к. филол. н., доцент

Чжан Чаоюнъ

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

tfrik@tpu.ru; 327683631@qq.com

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ
В «МАЛЕНЬКИХ ПРИТЧАХ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ» Е. САНИНА[©]

Изучение прецедентных текстов (ПТ) – актуальное направление современных филологических исследований. Это связано с тем, что ПТ как феномены являются принадлежностью каждой культуры. Они представляют собой средство обеспечения культурной континуальности, культурную скрепу, цементирующую отдельные